

САЛВЕДЬ

ДМИТРИЙ
АРЕФЬЕВ

16+

Дмитрий Арефьев

Салведь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66779658

SelfPub; 2021

Аннотация

В основе рассказа лежит история реального человека. Он поведал мне о странных существах, которые могли исполнить любое желание. Но что они просили взамен, а главное – кто они?

Содержание

От Автора	4
Сказка на ночь	6
Голод 1891-го	10
ОНИ	21
Салведь	27
Урядник Емельян	32
Заключение	40

Дмитрий Арефьев

Салведь

От Автора

Однажды один человек сказал мне:

– А я знаю, что ты пишешь рассказы. Читал про тебя в газете!

Это был невысокий дедушка с кожаной кепочкой на голове. Раньше он приезжал в магазин, где я работал продавцом, на небольшом розовом мопеде с корзинкой для багажа, чем невольно вызывал улыбки окружающих. Старый дед, да ещё на двух колёсах! Обычно люди его возраста предпочитают проводить время на лавочке возле дома, а этот оседлал железного коня. В этот раз он появился без своего механического друга, и, по всей видимости, его интересовали далеко не товары автомагазина.

– Читал про тебя в газете! – услышал я. – А знаешь, я ведь могу тебе кое-что рассказать.

Признаться честно, меня начинает распирать любопытство, стоит только кому-то пооткровенничать, особенно если это делают живые свидетели событий! И этот раз не стал исключением. Дедушка поведал мне историю, которую он, будучи ребёнком, услышал от собственного деда. Мой гость

говорил, а я будто собственными глазами видел участников прошедших событий и мысленно прикидывал, каким образом оживить их на бумаге. Среди читателей обязательно найдутся те, кто посчитает данный рассказ бредом, а меня – графоманом с богатой фантазией. Действительно, установить подлинность данной истории не представляется возможным. Но не в этом ли соль? Цель данного рассказа – абстрагироваться от привычного для нас всех понимания материальной составляющей: от того, что мы ежедневно видим перед собой, от того, что чувствуем и осязаем, и думаем, к тому же, что обладаем достаточными знаниями об окружающем мире. Откуда тогда берутся истории, подобные этой? Плод человеческой фантазии? Очень может быть. Подавляющее большинство самых невероятных рассказов основывается на выдумке. Человеку свойственно верить в то, во что он хочет верить. Я не берусь утверждать, что дедушка с мопедом рассказал мне правду, хотя он был готов подписаться под каждым сказанным словом. Возможно, кто-то уже слышал нечто подобное. Буду рад, если поделитесь со мной своей историей.

На этот раз я публикую материал без привычных для меня слов «Основано на реальных событиях». Пусть каждый сам решит, принимать на веру написанное или же отправить файл в корзину.

Сказка на ночь

– А разве так бывает, деда? Неправда же!

– С чего ты это взял?

– Разве могут гуси человека в воздух поднять?

– Иногда, внучок, и не такое бывает. Самое главное – слушаться старших. Тогда и беда никакая не приключится. Вот не послушалась Алёнушка стариков, ушла с подружками играть, оставила братца без присмотра, и на тебе! Гуси-лебеди прилетели и схватили его!

– Неправда!

Старик с ухмылкой прищурил глаз.

– Отчего же?

– Я уже большой, деда, чтобы в такие сказки верить. Не могут гуси человека в воздух поднять.

Дедушка провёл костлявой рукой по курчавой бороде.

– Пожалуй, ты прав, – согласился он, с иронией взглянув на внучка.

Был поздний час. Коля лежал в маленькой деревянной кроватке с бортиком на одну сторону, с другой же кроватка прильнула к стене. В печи трещали сухие дрова, за окном занялась унылая песня холодного осеннего ветра, который норovil просочиться в тёплую избу. Незванным гостем в окошко стучался дождь. При тусклом свете кероси-

новой лампы, свисавшей с потолка, Коля чувствовал себя защищённым от внешнего мира. Жёлтый фитилёк неистово дрожал, придавая старому бревенчатому дому житейский уют, который был особенно ощутим холодными длинными вечерами, когда за окном господствовала непогода, а внутри, напротив, было тепло и сухо. И только огонь в печи нарушал воцарившуюся тишину, и только керосинка не сдавалась ночной тьме, и сутулый дедушка с уставшим лицом облокотился на стол, уже в который раз балуя внука новой историей на ночь. Коля очень любил такие вечера. Не только из-за того, что в ночной тиши можно было слушать забавный стрёкот сверчков, доносившийся из чулана, не из-за приятной тяжести в животе от стакана парного молока и не из-за располагающей ко сну атмосферы угасающего дня. Коля ждал новых историй от дедушки, который, словно волшебник, выуживал их из своей головы, постепенно опустошая богатый запас. Запас, похоже, иссяк в ночь с 30-го на 31-октября 1953 года. Тогда старик впервые услышал разочарование в голосе внука.

– Пожалуй, ты прав, – повторил он, поглаживая густую бороду.

С нескрываемым изумлением дед посмотрел на внука, который, казалось, стал на несколько лет старше всего за одну только ночь. Коля уже слышал истории про избушку на курьих ножках, про курочку Рябу, и про волшебный лес, и про двенадцать месяцев. Теперь же его повзрослевшее со-

знание жаждало новых сказок. Коля вопрошающе уставился на замолчавшего вдруг дедушку.

«Ну же, деда! Расскажи мне что-нибудь. Я же не усну!»

В воздухе витал запах свежеприготовленных на ужин щей. Чугунок с железной крышкой томился на полу возле гудящей печи. Рядом устроился Васька – полосатый кот без одного уха, потерянного ещё весной в драке с местными четвероногими. Васька прогибал спину и мурчал, как трактор, от одного только прикосновения. Видимо, он получил приличную дозу удовольствия, потому как сладко спал, свернувшись калачиком. Спали и родители Коли. Час назад они ушли в спальную комнату, отделённую от остальных лишь плотной занавеской, оставив его наедине с бабушкой. На печи сопела бабуля.

– Дед, не молчи. Расскажи, деда, а то не усну!

Старичок сделал над собой усилие, чтобы подняться с места. Шаркающими шагами он подошёл к деревянной тумбе, на которой стояли два ведра с колодезной водой. Сняв со стены жестяной ковш, он зачерпнул немного, сделал пару глотков. Постояв на месте с задумчивым взглядом ровно до тех пор, пока маленький Коля не окликнул его, дед обернулся и спросил:

– Что, и правда, не уснёшь, если не расскажу?

Внучок молча кивнул.

В окно стучал надоедливый дождик, а бабушка, глубоко вздохнув, вернулась на своё привычное место. Коля смотрел

ему в рот, а тот перебирал в голове десятки различных заготовок, которые уже неоднократно использовал, чтобы уложить его спать. Устало улыбнувшись, старик, наконец, сдался:

– А знаешь, внучек, наверное, у меня есть кое-что на сегодня. Только обещай мне, что не будешь бояться, иначе твоя мама запретит мне рассказывать тебе сказки.

Коля боялся вставить лишнее слово. Он с опаской посмотрел на занавеску, за которой спали родители, и ответил так тихо, как только мог:

– Хорошо. Обещаю никому ничего не рассказывать.

В глазах старика появились льдинки.

– Ну, хорошо, внучек, – прошептал он, будто предупредил об опасности. – Тогда слушай внимательно, потому что сегодняшняя сказка может оказаться не просто сказкой.

Окинув взглядом слабо освещённую комнату, дед подсел ближе к деревянной кровати внука и начал говорить:

– Это всего лишь случай из детства, не более. К тому же, это было так давно, что на многое можно закрыть глаза. Начну я с того, что в те нелегкие годы мы как-то иначе смотрели на мир.

Голод 1891-го

Кто-то назовёт мой рассказ легендой, созданной для развлечения маленьких детишек, а кто-то увидит в нём зерно действительности, пусть и невероятной, слабо принимаемой на веру, но действительности. Я был гораздо младше тебя, поэтому мог кое-что позабыть.

Помню, что есть хотелось постоянно. Видишь вот этот чугунок возле печи? Сегодня твоя мама наварила щей из мяса и капусты. А знаешь, когда я впервые попробовал мясо? Не знаешь. А попробовал я его только в армии, потому как только там, на службе государевой, кормили солдат кашей и мясным супом. Ох и сладость! Не забуду никогда, как впервые приложился к тарелке дармовых харчей. Только вот кусок в горло не лез сначала. Не лез, и всё тут! Матушка ведь готовила нам щи из лебеды. Зелёные такие. Белить-то нечем было. Коров на селе оставалось всего две, да и от тех молока не вдосталь. Голодно было, внучек. И холодно. Хлеба порой не хватало. А если и доводилось кусочек в рот положить, то каким же вкусным он нам казался! По несколько дней мы не едали, а ртов нас посчитать, так человек шесть. Много братьев и сестёр у меня было, и все кушать хотели. Представить боюсь, каково отцу и матушке моей пришлось. А мы всё просили и просили поесть. А умирали-то как! Детишек сколько

скончалось от голода и болезней! Помню, друг у меня был Сашка. Любили мы, босоногие, бегать по траве да одуванчики сбивать. Только недолго мне с Сашкой якшаться довелось. С голоду опух он. На печке лежал без сил и опух. Как пузырь стал, синий и круглый. Как ни пытались отхаживать его, не поправлялся он. Мало было детскому истощённому организму одного хлеба да шей пустых, чтобы поправиться. Так и не стало Сашки. Умер он. Тихо, без криков, будто и не случилось ничего.

И тогда, на службе, в наваристом курином бульоне я видел не сытную пищу, а видел я голодающих братьев и сестёр своих, отца с матушкой, покойного друга Сашку да и тех, кто от голода в могиле давно. И так мне вдруг стало не по себе! Так противно стало, что впору бери эту тарелку и выливай на пол! Я не мог притронуться к еде, пока кто-то из таких же не отбракованных новобранцев, как и я, не окликнул меня. И я стал есть! Жадно причмокивал и пережёвывал каждый кусок назло той жизни, которая обрекала нас на голодную смерть. Вот так вот, Колька, я впервые в жизни попробовал мяса. Ну да ладно. Не об этом я рассказать хотел. Ты дальше слушай.

Жили мы тогда, как и сейчас, в Вихляевке. Отец мой на земле всю жизнь работал. Сильный был мужик. Бывало, жалко ему кобылку станет, сам в плуг впряжётся, и на борозду. Я всё думал, когда вырасту, так же буду. Матушка моя по дому хозяйничала. Вообще, мало что изменилось с тех времён,

скажу я тебе. Разве что с сумой не ходят. Знаешь ты, что это значит, внучек? Страшное дело. С сумой ходили – побирались, значит. Кормить детей малых нечем было. Оставят родители детей своих старикам и уходят, куда глаза глядят да Бог куда приведёт. Надолго могли уйти. Кто-то не ворочался потом. Гибли по пути. Так ведь знали, что могут не увидеть детей своих больше. Знали, рыдали, переживали и... Эх! А как не пойти, если жизнь такая голодная в деревнях была. Страшное дело. Бывало и такое, что собирались люди со всего села и покидали его. В один день! Брали с собой, кто что может, и уходили. На господу Бога уповали. На Него вся надежда была. Так и шли, внучек, с молитвой да крепкой верой в сердце. А как иначе? Без веры-то и не выжить было.

В города шли. Кто в Москву, кто в Петербург. Надеялись, что там жизнь лучше окажется. Не было, Коленька, такой работы, чтобы в достатке семью содержать. Соглашались на любую, только бы дали чего взамен. Я не могу вспомнить, ушёл ли кто с Вихляевки, али нет. Наверное, кто-нибудь да ушёл, ведь жизнь крутила нам кишки так, что по нескольку дней в рот положить нечего было. Благо, здоровьем Бог не обидел, потому и выжили.

И до голодного времени не баловала нас жизнь. Поначалу скотина во дворе водилась. Корова была Ночка да лошадь. Коровка наша вдруг заболела однажды да издохла. Резать не решились. Отец сказал, отравилась она, и мясо отравлено тоже. Стали жить мы без кормилицы нашей. Несмотря на все

трудности, казалось нам, что жизнь такая Господом дарована, потому и не жаловались на судьбу. Грех это большой.

Девяносто первый страшный год был. Из-за ранней зимы почти все озимые погибли. Не было всходов. Ни колоска. И что делать? Помню, матушка даст нам сухарей зелёных пососать, а сама выйдет на улицу, прислонится к завалинке и плачет в рукав. Зубы стиснет, чтоб мы не слышали, и плачет. Отец был чернее ночи. При одном лишь взгляде на нас, голодных и тощих, терялся он. А после старался скрыться, чтобы не врать нам, что вечером принесёт хлеба или хотя бы зерна. Не принесёт. Я был старшим в семье и знал, что не принесёт. А остальные надеялись. Спать не ложились, ждали. Отец был рослым мужиком, сильным, с волевым характером. Как скажет, так и будет. И от того мне по-настоящему страшно стало, что страх-то я не только нутром ощутил, но и в его глазах увидел. А это всё, Колька! Это потолок! Если отец не просто просит помощи у Бога, а умоляет не губить нас, рыдает, бьёт кулаками соломенный пол и сгребает под себя её, старую, которую уже давно пора было выбросить, вот это уже грань, Колька! Тогда я понял, что могу запросто повторить судьбу моего друга Сашки. Я не мог уснуть, представляя, как у меня будет пухнуть живот и становиться синим, словно туча грозовая. Иногда я чувствовал, что внутри меня медленно растёт пустота, а я расхожусь во все стороны, словно бурдюк. Головой встряхну, сплуну через плечо – и нет ничего. Снова показалось. Стараясь не выдавать себя, я

тайком поглядывал на братьев и сестёр своих. Не растут ли у них животы? Не синеют ли губы? А руки? Руки, словно палки, сухие и угловатые, заканчивающиеся тонкими крючковатыми пальцами – веточками, не тянутся ли вверх, вопрошая подачки. Слава Богу, нет. Вон спит в кровати голодная сестрёнка, а братики сидят у подоконника и с надеждой смотрят в пустое окно. Уже не кричат и не веселятся. Устали они, обессилели на чёрствых корках хлеба да воде. Я очень боялся кончить так же, как Сашка. Ещё больше я боялся за младших своих. Я не мог представить, с каким чувством матушка приносила нам кусочки сладкой глины, чтобы мы хоть что-то положили в рот. Да-да, бывало и так, Колька. Что смотришь на меня круглыми глазами? Кусочки глины. А что ещё она могла сделать, когда за нами по пятам старуха с косой ходила? Что говоришь? Что за старуха? Ох, внучек, лучше бы тебе вообще не слышать про неё. Да смерть это. Та самая, что в могилу не один десяток детишек и взрослых уволокла. Голодная смерть.

Соседи у нас были. Фамилия Максимовы. Дарья Ивановна да Филипп Алексеевич. Как сейчас стоит перед глазами белокурая дочка их Глашка. Бойкая такая, с косичками кудрявыми. Мамка ей куклу сошьёт, та и вошкается с ней весь день. У Максимовых последних оставалась корова на селе. Многие к ним за молоком ходили по первости, да потом и молока-то не стало. Корову, по слухам, Филипп на мясо пустил, хотя никто этого не видел.

– Отстаньте, ради Христа! – ворчал Филипп. – У самих с утра маковой росинки во рту не было, да вы тут ещё!

Лицо Филиппа осунулось, стало серым, неживым. Не осталось в нём былой уверенности, а в потухших глазах занял место страх неизбежности. Он с каким-то странным беспокойством смотрел на пришедших селян, с плохо скрываемой душевной болью и сожалением, словно ни с кем не желал ругаться. А люди стояли, не уходили. Так и толпились у калитки. Промедли Филипп ещё с полчаса, того и смотри, перемахнули бы через плетень и силой бы вытащили скотину со двора. Слава Господу, отец мой вовремя подоспел.

– Сказано вам было или нет?! – услышал я голос отца, как и прежде властный и сильный, несмотря на то, что несколько дней кряду он ничего не ел. – Уходите отсюда, пока я вилы не взял!

– Чего ты зря кричишь, Алексеич! – выступила вперёд женщина с грудным младенцем на руках. – У тебя у самого шесть ртов! Свою корову уморил, а почто тебе Максимовых скотина? Третий день дитя кормить нечем! Уходи сам, Егор! Не доводи до греха!

Она поправила перекинутую через плечо лямку, обнажив нездорово худого младенца.

Отец больше не стал повышать голос, когда увидел маленькое бледное личико в тряпичной простынке. Ребёнок вцепился в опустелую грудь матери, как клещ, но истощённая мать уже отдала младенцу всё, что могла.

Я больше ничего не слышал, зато увидел, как сельчане вдруг развернулись и стали расходиться по домам. Последней шла та женщина с ребёнком. Она несколько раз оглянулась, прежде чем присоединиться к остальным. Наверное, до последнего надеялась, что калитка вдруг откроется и появится Филипп с кринкой парного молока. Калитка и впрямь открылась, но только для того, чтобы впустить внутрь отца.

Чуть погодя он вернулся. Матушка тут же поспешила к нему.

– Егор, что с тобой? – воскликнула она.

Отец был сам на себя не похож. По впалым щекам сползали капли холодного пота, а в руках не унималась дрожь. Я никогда не видел его таким. Даже когда в село приезжали полицейские урядники, он встречал их с гордо поднятой головой. А тут... Я всегда хотел быть похожим на своего отца. Для меня он был образцом мужской стойкости, проверенной самыми тяжёлыми временами. А вот тогда, по возвращении от Максимовых, он был по-настоящему напуган. В его глазах я увидел не только страх, я увидел растерянность и самое ужасное – я увидел обречённость. Да! Мой папа молчал и смотрел в пол безжизненным взглядом, пока мама пыталась привести его в чувство. Она попросила меня присмотреть за младшими, а потом и вовсе выйти с ними на улицу. Теперь я понимаю, для чего она это сделала. Мама не хотела, чтобы мы видели отца таким. Я не смел послушаться. Сгорая от любопытства, я оставил малышей возле двери покосившегося

сарая с дырявой крышей. Отец не стал его приводить в порядок, да и незачем было. Скотина давно перевелась, и теперь сарай стал пристанищем для голубей и ворон. Я затаился под окошком нашего дома и старался не шуметь, чтобы меня не обнаружили. Я услышал, как шаркающей походкой отец подошёл к столу и налил себе в кружку воды.

– Егор, что с тобой? Куда ты ходил? – спросила его матушка дрожащим голосом.

Снова послышался звук льющейся воды. Если бы в доме была водка, припрятанная для особых случаев, я не сомневаюсь, отец откупорил бы бутылку. Налил бы себе полную кружку до краёв и опрокинул бы её без закуски. Затем налил бы вторую и повторил. Но водки не было. Он жадно пил воду, будто она была способна снять тревогу.

– Егор...

Отец обернулся и крепко обнял маму. Он был подавлен, растерян, как выброшенный из гнезда птенец, обречённый на сомнительное будущее. Я понял это сразу, как только папа начал говорить.

– Горе у Максимовых, Нина, – сказал он. – Я вошёл без стука. Да и не принято вроде у нас. А оно вон как!

– Что? – застыла в оцепенении мама, отпрянув от него, словно папа кого-то убил. – Что там произошло?

– Я был у них во дворе, – продолжил отец. – Сначала я подумал, что Филипп заколол-таки корову. Разрубил по кускам, завернул в мешки и спрятал под навес. Знаешь, мешки

из старой одежды, рваные, с заплатками. Но потом вижу, вышел Филипп из дому с тарелкой горячей воды. Тарелка парит, а он рукавицы на руки нацепил, чтоб не обжечься.

– И что это было? – шёпотом спросила мама, как будто речь зашла о чём-то запрещённом.

– Филипп опустился на колени около мешка, – ответил отец. – Он поставил тарелку на землю и аккуратно стал разворачивать мешок. Я стоял и смотрел, как мешок вдруг зашевелился, а в нём мелькнуло что-то красное.

– Господи, помилуй, – перекрестилась мать.

Отец глубоко вдохнул и сказал:

– Я набрался смелости, подошёл ближе, а там...

Он запнулся, выпил остатки воды, добавил:

– А там Глашка их. Красная вся. Я подумал, что в крови перепачкалась. Мало ли что бывает. Ан нет. Кожа красная вся, в пузырях. Нет больше её, Нина. Последний вздох её при мне был. Померла прямо на руках у отца. Следом Дарья вышла. Не кричала даже, упала у крыльца без памяти. На силу мы её в чувство привели. Я, точнее. Филипп до сих пор там. У мешка сидит.

Закрыв рот рукой, мама опустилась на стул. Слёзы застилали глаза, но она держалась до последнего. До тех самых пор, пока отец вдруг снова не заговорил:

– А вдруг и за нашими детками смерть придёт, Нина?

– Не говори так! Богом заклинаю, не говори! – взорвалась матушка.

Будто по команде, она встала на ноги и устремилась к единственной иконе в доме, у которой висела давно потухшая лампада.

– Не говори так, Егор! Я не дам ей забрать их! Пусть даже мне придётся служить Дьяволу, не отдам!

– Хлеба совсем нет, – обречённо прошептал отец. – Ссуды на хлеб уже давно не дают. А нам и прошлую платить нечем. Весна нынче плохая. Урожая опять не будет, а прихвостни государевы снова с проверкой придут. Уже скоро придут.

Мама молча обыскивала шесток, не обращая внимания на его слова.

– Проверять будут, правильно ли распределили ссуды, – продолжал отец. – Не отдали ли чего соседям, не поделили ли хлеб между собой. А чего проверять? Нет ничего. Долг одного двора на всех повесят, и будем должны все за одного.

Обшарив шесток, мама принялась обыскивать плетёные корзинки у стола, потом полезла на печь и продолжила поиски там.

– В прошлом месяце Емелька приезжал, – не останавливался отец. – Сам-то в четыре локтя ростом, а важный какой. Царский урядник! Забыл он, наверное, как голышом под окошком вместе бегали, а теперь он меня жизни учит. Прискочет на коне по форме, и разбегайся народ! Такие, как он, и с сумой не пушали ходить. Люди жить хотели, а они держали нас, как скотину в загоне. Ждали, издохнем когда!

Запыхавшись, мама вернулась к иконе с переломанной в

нескольких местах восковой свечой, отчего та больше походила на бусы, нанизанные на фитиль. Будто сокровище, она бережно пристроила свечу в лампаду. Чиркнула о потёртый коробок спичкой, и свечка занялась.

– Даст Бог, переживём мы это время, – с надеждой прошептала матушка. – Если нужно будет, душу отдам Сатане, лишь бы детки с голоду не умерли.

Она пристально смотрела на блёклый образ Пресвятой Богородицы и очнулась только тогда, когда отец вдруг умолк. Он с ужасом уставился на мать.

– Не боишься ты перед иконой слова такие говорить, Нина? – спросил отец.

Мама, ничуть не смутившись, ответила:

– Если встанет выбор, Егор, я пожертвую собой сполна.

ОНИ

В трёх десятках шагов от северного угла нашей избы отец выкопал погреб. Спрашиваешь, откуда такая точность? Так я сам считал шаги, когда осмеливался вдруг дойти до него. «Один, два, три», – считал я, приближаясь к заветной деревянной крышке люка. «Двадцать восемь, двадцать девять», – и вот он совсем рядом, прямо передо мной. Остаётся только обхватить ручку и потащить крышку на себя. Остаётся совсем ничего. Я как никогда близок к своей цели, но я чуть сдерживаюсь, чтобы не сорваться с места прочь. Всего тридцать шагов по прямой. Не так уж и много. Тридцать шагов, и я узнаю самый сокровенный секрет. Всего лишь три десятка шагов.

Я не знаю, внучек, как именно *ОНИ* завелись у нас в погребе. Правда, не знаю. Знаю, что мать молилась без отдыха, пока отец её, обессилившую от напряжения, не поднимал за локотки и не отводил в сторонку, чтоб та дух перевела. Немного погодя мать снова принималась за своё. Странно мама стала себя вести. Беспокоился отец, да и мы чувствовали, что поменялось в доме что-то. Бывало, ночь родители не спали, сидели за столом во тьме кромешной да бормотали что-то под нос себе. Помню, как мать распалаясь, дескать, в амбарах государственных зерна навалом. За границу, дескать, хлеб продают, а своим крестьянам в долг до сле-

дующего года по крохе отпускают. Отец спрашивал, откуда она знает про продажи, а мать отвечала, что это *ОНИ* ей на-шептали. Вот так я впервые и узнал о *НИХ*. Отец решил, что мама помешалась от голода. Докторов и лекарей у нас на селе и в помине не было. Некому было подсказать, что делать и лечить как? Тем временем маме с каждым днём становилось всё хуже, а отец был на волосок от того, чтобы самому не потерять рассудок. Мои братья и сёстры постоянно просили есть, и только мне, как старшему, надлежало не открывать попусту рот. Я держался изо всех сил. Даже когда тупая боль в животе превратилась в привычное состояние организма, я старался гнать от себя плохие мысли о моём покойном друге Сашке, о скончавшейся от странной болезни Глашки, о том, что моя мама, в конце концов, может что-нибудь сделать с собой или того хуже – с кем-то из нас. Я держался даже тогда, когда мать стала подозрительно часто ходить на улицу до погреба. Наблюдать это было одновременно интересно и жутко. Едва волоча ноги, она подходила к песчаному бугорку, ворошила солому, обнажая ручку деревянной крышки, открывала дверцу и нечеловеческими глазами смотрела в пустую земляную яму, как заворожённая. Не говорила ничего, просто смотрела и всё, словно оттуда на её немые мольбы приходил какой-то такой же немой ответ. Я хотел перестать обращать внимание на странные похождения матери, но глядя на её лицо, когда она молча выскивала что-то взглядом на дне песчаной ямы, мне стано-

вилось страшно. Очень страшно. Но желание узнать причину необъяснимых поступков было сильнее. Если вдруг мама собиралась снова до погребца, я выбегал из дому и прятался в сарае, чтобы узнать, зачем она туда ходит.

Я не мог сомкнуть глаз от мысли, что в погребе кто-то поселился. «Кто это мог быть?» – спрашивал я сам себя и, по моему детскому разумению, предполагал, что там, в холодной яме, сидят земляные жабы, чья коричневая пупырчатая кожа вызывала у меня отвращение. Или, может быть, в яму случайно угодило какое-нибудь животное? Но как такое могло произойти, если погреб был постоянно закрыт? В общем, я твёрдо решил пойти туда и проверить всё сам. Благо дело, на следующий же день мне представилась такая возможность. Отец ушёл в лес проверить ловушки, которые в последнее время стали бесполезны. Не шёл зверь лесной, и всё тут. Мама управлялась по дому. Топилась печь, попевал кипяток для травяных щей, а малыши сидели на полу, занятые незатейливой игрой. Короче говоря, я набрался храбрости и пошёл к заветной дверце погребца.

«Один, два, три.»

С каждым шагом мои ноги почему-то подкашивались, как у хмельного. Боялся я, внучек, до дрожи в подмышках. Чего я только не выстроил у себя в голове, пока приближался к погребу. Казалось мне, что выпрыгнет оттуда зверь лохматый и вцепится в меня зубами. Или стоит мне только открыть дверцу, как провалюсь я внутрь, в чёрную бездонную пустоту, где

и сгину навсегда. Страшно было, Колька. Ей Богу, раньше так никогда не боялся. Я уже и не помню, что ещё там себе напридумывал, зато очень хорошо запомнил, то чувство, которое возникло у меня прямо перед тем, как притронуться к ручке. Едва я разворошил солому возле крышки, как внутри меня похолодело. Внезапно я ощутил сильное отвращение от того, что собирался сделать, будто по ту сторону деревянной дверцы кишмя кишат сотни гадюк и медянок, беснующихся в живых лоснящихся клубках. Я уже протянул руку, чтобы приподнять дверь, как вдруг услышал их оживленное шипение в ожидании новой добычи. Конечно, это могло мне лишь привидеться, но то омерзительное чувство осталось со мной до сих пор.

Что говоришь? Что было там? Да, я почему знаю, Колька? Я же крышку-то так и не открыл. Не осмелился я. Верить или нет, но я до сей поры маюсь и думаю, что же там такое шипело. А ты вот лучше дальше слушай.

Однажды вечером, притворившись спящим, я подслушал разговор родителей. Ложились мы с наступлением темноты, как только солнце упадёт за горизонт. Это сейчас у нас керосинка есть, а раньше и её не было. Стемнело, значит, спать пора. Когда все улеглись, даже моя неугомонная сестрёнка, мама подперла дверь изнутри железной кочергой и собралась было на боковую, как вдруг её остановил отец:

– Обожди, Нина.

Отец говорил тихо. Но думаю, не потому, что не хотел бу-

дить нас, а оттого, что устал он очень за день. Ловушки пустые оказались, и папа пришёл ни с чем. Сильно ослаб он на щах из лебеды и сухарях, но вида не показывал.

– Присядь-ка, – попросил он.

Мама села напротив.

– Что ты делаешь, родная? – услышал я голос отца. – Прекрати бесовщину эту. От нечистого недуг твой. Зачем до погребца ходишь? Нет там ничего. Пусто ещё с прошлого лета. Зачем мучаешь меня, зачем детишек пугаешь?

– Терпение, Егор. Скоро ты сам всё увидишь, – заверила мама. – *ОНИ* почти созрели. Через несколько дней *ОНИ* помогут нам.

– Кто они, Нина? – спросил отец, оцепенев от сказанного.

– Скоро, уже скоро, Егор! Я ночи не спала, просила не губить семью, и *ОНИ* услышали. *ОНИ* пришли и теперь помогут нам.

Затем она широко открыла глаза, будто вспомнила что-то очень-очень важное.

– Ты должен кое-что сделать! – вдруг заявила она. – Я скажу тебе, что ты должен сделать!

Отец замолчал. Он внимал сказанному с завидным спокойствием, хотя прекрасно понимал, что если пустить дело на самотёк, в скором будущем он может лишиться жены.

– *ОНИ* сказали мне, что помогут, – будто в бреду повторила мама. – *ОНИ* многое знают. *ОНИ* не обманут.

Лицо её при этом стало неузнаваемым, как у сумасшед-

шей.

– Это ты про заполненные амбары зерна в Москве? – сглотнув, спросил отец. – Про то, что хлеб продают иностранцам, а нам, крестьянам, в ссуду дают?

– *ОНИ* помогут, – вторила мать, не замечая его слов, – но *ИМ* нужно кое-что взамен. Да-да! Ты должен сделать это для нас всех!

– Ты про что говоришь, Нина? – взмолился отец.

Я думал, что он вот-вот схватит маму за плечи и начнёт приводить её в чувство, но мама опередила его, не дав вставить и слова:

– Иди сюда и слушай внимательно, что я тебе скажу. Завтра с утра ты...

Дальнейшего я, к сожалению, не расслышал, видел только, как мама нашёптывает что-то папе на ухо. А он тем временем менялся в лице. Обуявшее его отчаяние вдруг сменилось на сомнение, а затем в его серых глазах появилась надежда.

Салведь

Скажи-ка мне, внучек, что ты больше всего кушать любишь? Горох на масле? Мда, не дурна губа у тебя. А как ты думаешь, какое самое любимое угощение было у меня в детстве? Нет, не петушки. Когда мне было лет пять или шесть, баловала нас матушка по воскресеньям особым угощением. Любили мы деревянными ложками из общего блюда рассол хлебать, а если ещё и лист капустный попадётся! М-мм, Колька! Это сейчас смешно говорить, а тогда нам, соплякам, знаешь, какой вкусной казалась окрошка из кислых огурцов и капусты! Ой, да не дай тебе Бог испытать такую «сладость». Прошло то время, и на том спасибо! Это я к чему вспомнил-то, Колька? А вот к чему.

Поначалу отец сильно волновался за психическое здоровье матери, но потом смирился. И всё же в глубине души надеялся, что ещё не всё потеряно. Возможно, поэтому он однажды согласился пойти вместе с ней до погреба и посмотреть на *НИХ*. Ой, Колька, до сих пор перед глазами у меня стоит его вмиг побледневшее лицо. Вот таким вот удивлённым взглядом, Колька, уставился он в пустой погреб, когда мать открыла крышку и показала ему причину своих странных походов. Что он там увидел, я не знаю. Только после этого отца будто подменили. Он стал внимательней прислу-

шиваться к бредням матери и внимать её словам, словно она проповедник какой. Мне казалось, он ей верил, и от этого мне было не по себе. Иногда стало казаться, что отец тоже... Ну, того!

Так вот, на следующий день после очередного разговора с мамой отец очень рано куда-то ушёл. Сначала я подумал, что он снова отправился проверять ловушки, но его охотничий нож так и остался в ножнах, подвешенных высоко на стене, чтобы мальцы не дотягивались. Пока отца не было, мать ходила из угла в угол, туда-сюда, туда-сюда. Ждала чего-то. Вид у неё был сильно озабоченный. Вот ходит она по избе, ходит, да как бросится к окну! А там нет никого. Не воротился ещё отец. Снова ходит, снова ждёт и приговаривает:

– Сейчас, мои дорогие, сейчас! Скоро я *ВАС* накормлю!

Эх, от таких слов, Колька, у меня все внутренности в животе перевернулись. Тут же я представил, как на пороге появится отец, а в руках у него свёрток пирожков вишнёвых, горячих, только из печи! И неважно, откуда они возьмутся! Я надеялся, что именно так всё будет, что папа вернётся не с пустыми руками, что непременно на столе должны сами собой появиться и пироги, и суп мясной, и лапша с яйцом. И с каким всепоглощающим наслаждением мы будем уплетать и сметать эти невиданные доселе блюда, с какими жадными глазами мы будем заедать картошку с укропом малиновым вареньем! Ох, и вспомнить страшно, что я тогда себе навидумывал. Голод мне картинки в голове рисовал, оттого я и

истёк слюной, как услышал, что мама накормить нас хочет. Только вот ошибся я, внучек. Сильно ошибся.

Отец вернулся, когда за окном был полдень. Где был отец, я не знаю до сих пор, и только Богу было известно, откуда он достал то, что было у него за пазухой.

– Принёс?! – бросилась к двери обезумевшая мать.

Она запустила руку ему под рубаху и, широко улыбнувшись, нащупала там то, от чего в её нездоровом взгляде зародилась надежда.

– Нина, это дорогого нам стоило, – пояснил отец. – Дети голодные, Нина!

– Тихо! – рявкнула мать. – Сказала я тебе, больше получим, если сделаешь так, как говорю. Послушайся меня, не перечь!

С обречённым видом папа опустил на корточки и прислонился спиной к холодной печи. Он был силён духом, потому и доверился матери. Доверился, Колька, полностью, хотя и видел, как тяжело нам всем приходится, как смерть под окошком шастает и ждёт удобного момента, чтобы войти. Она не будет лезть в окно, нет. Она ждёт, и я знал, что дождётся, когда дверь сама распахнётся перед ней. И мама это знала. Поэтому-то она и попросила отца принести сморщенные свекольные сухари. Он выложил их на стол один за другим, осторожно и медленно, словно они были из золота. Как только последний кусок оказался на столе, мать собрала их в одну кучу и вдохнула полной грудью, напоследок доволь-

ствуясь запахом сушёных овощей.

– Иди к детям! – приказала она. – Я сделаю всё сама!

Отец повиновался. Не послушался, а именно повиновался. По-другому и не скажешь, так как сию же секунду он опустил голову и оставил маму в покое. Почему папа потакал матери, я ещё не понимал. Наверное, он доверился внутреннему голосу, который уверял его не наломать дров и прислушаться к любым просьбам жены, какими бы бредовыми те не показались. Даже в условиях дикого голода отец закрыл глаза на правду жизни и, Бог знает откуда, раздобыл нам эти сухари. Как оказалось позже, сделал он это не зря.

Мама суетилась подле стола. На свекольных сухарях она выстояла небольшую бочку кислого кваса, в который добавила несколько листов капусты, единственной растительной пищи в доме, не считая зелёного щавеля и редьки.

Салведь – значит, рассол, Колька, холодный суп то есть, окрошка. Раньше в такую окрошку чего только не добавляли: лук, картофель, огурцы, варёное мясо. С приходом голода и мора из всего в тарелке остались лишь квас и капуста. Вот такой вот салведь, бывало, хлебали мы деревянными ложками, причмокивая от удовольствия. Кто же знал, что в такое ужасное время мама вдруг задумает баловать своих детей подобным угощением. К тому же я понятия не имел, чего стоило отцу добыть сухари для будущего кваса. Но и тут я ошибался, внучек. Лакомство было уготовано не для нас.

Каждый день, пока настаивался квас, мы умоляли роди-

телей налить кружечку, на что нам всегда отвечали:

– Терпите, детки! Очень скоро вы будете кушать досыта!

После этого мама снова пропадала у погреба, а после бочку с квасом и вовсе вынесла в сарай, подальше от голодных ртов.

Матушка разливала салведь в глиняные горшки и вместе с отцом несла их к погребу. Он расставлял их в ряд около крышки, а мама по одному подавала их кому-то внизу. Отдавала *ИМ*, Колька! Да сколько, внучек! Я насчитал шесть горшков, прежде чем проглотил сухую слюну и занюхал испачканным рукавом своей нестираной рубахи. За всем этим мы, словно замороженные, наблюдали в окно, не смея пикнуть. Не принято было родителям перечить.

Когда они вернулись, мы заметили, что отец кое-что держал в руках. Это был последний горшочек с окрошкой. Седьмой, который, видимо, оказался лишним, поэтому-то мама с папой тут же принесли его в дом. Как же обрадовались мы! Салведь из горшка разлили по тарелкам. Мы визжали от счастья, как поросята, внучек. Ещё бы! Усердно работая ложками, мы даже не вспомнили, что родители спрятали в погребе гораздо больше.

Урядник Емельян

За две недели в деревне умерло пять человек. Старуха с косою бродила по Вихляевке, заглядывая в каждый двор, и решала сама, кто пойдёт с ней сегодня, а кто завтра. Боялись мы, что рано или поздно проклятая и в нашу калитку постучится, но чем больше горшочков отправляюсь в погреб, тем меньше переживали за нас родители. Каждую среду и пятницу, будто по расписанию, мама с папой опускали в погреб шесть полных горшков, а в четверг и субботу забирали оттуда уже пустые. Животы сводило от голода, но два раза в неделю нам всё же доставалось немного кислой окрошки с капустой. Мы и подумать не могли, что спустя две недели, когда рассол в бочке почти иссякнет, мама вдруг подаст на стол пшеничные лепёшки. Это был первый раз, когда мы ВСЕ поели досыта! Какой это был праздник, внучек! В тот вечер отец полез на крышу и насадил дырявое ведро на трубу, чтобы запах свежей выпечки не разнёсся по селу. А то, чего доброго, и к нам незваные гости пожаловать могли, как когда-то к Максимовым. Мы думали, что это разовое, мимолётное счастье вскоре закончится и на следующие несколько месяцев можно будет позабыть о такой вкусной еде. Однако через три дня мама снова нас порадовала. На этот раз из печи она достала чугунок с овсяной кашей. Лицо матери светилось от счастья. По красным от печного жара щекам бежали

струйки пота, а крепкие руки уверенно сжимали ручку ухвата, что держал чугунок. Отец сидел рядом и наблюдал, как мы с нетерпением ёрзали на месте, держа ложки наготове.

– Ешьте, ребятки, ешьте, – с умилением говорила мать. – Я вам ещё сделаю.

И мы верили ей. Нам хотелось верить в то, что она не перестанет творить чудеса и из печи вдруг полетят ржаные лепёшки, тарелки с лапшевником, сладкие ароматные пироги с малиной и много ещё того, что только может пожелать ребёнок.

Я уж начал думать, что жизнь становится прежней, что больше не будет этих страшных голодных дней, что весь кошмар закончился. Казалось, что у других тоже всё как-то потихоньку наладится. Смертельные болезни от недоедания со временем сгинут, а на улице вновь появятся здоровые дети, играющие в салки. Как только я позволил себе допустить мысль о счастливом будущем, к нам пожаловал Емелька. Было это так, Колька.

В среду, как обычно, отец помогал матери спускать горшочки с едой в погреб, а мы наблюдали за ними в окно. Чувство невосполнимой потери уже не мучало нас, когда горшочки скрывались за земляным рвом. Не мучало, потому что мы были уверены, что вечером мама снова достанет из печи какое-нибудь лакомство. Только она закрыла крышку погреба, как отец вдруг силой схватил её за локотки и поволок к крыльцу. Он будто увидел привидение, Колька.

– Ты чего, Егор? – возмутилась матушка.

– Тише ты, дура! В избу давай! – не своим голосом приказал отец.

Он втащил мать в дом, а нам велел не издавать ни звука. И лишь тогда я услышал снаружи нарастающий топот копыт. За дверью сердито фыркнула лошадь. С опаской глядя на нас, отец приложил палец к губам:

– Сидите тихо.

– Кто там? – нарочито громко спросила мама.

– Открывай, Нина! – прогремел за дверью уверенный мужской голос.

– Ты, Емелька? – спросил отец.

После короткой паузы за дверью ответили:

– Здравствуй, Егор. Только не до любезностей сейчас. Отворяй!

– Не заперто! – крикнул отец.

Порог переступил до блеска начищенный сапог с кожаной подошвой. Пара властных шагов – и внутрь вошла статная фигура в полицейском мундире с застёгнутым на шее воротом. Узкий ремешок драгунской шашки наискосок пересёк два ряда блестящих пуговиц, а росту Емельяну значительно добавила фуражка с железной кокардой. Его длинные чёрные усы причудливо завивались, отчего могло показаться, что они являются продолжением его самодовольной улыбки. Он зашёл в дом без лишних раздумий и стеснений, будто в свой собственный. На правах хозяина Емельян брезг-

ливым взглядом ощупал нашу избу и только потом начал говорить:

– Доброго здравия вам. Вижу, помогает вам Господь с бедою справиться: печь протоплена, в доме прибрано, детишки, вон, розовые какие. Не чета другим.

– А почто нам за других-то переживать? – подала голос мать. – Время тяжёлое. О себе думать надо.

– И так сказать, верно, – подметил Емельян, не переставая шарить глазами.

Он остановил взгляд на прикрытом деревянной чуркой чугунке возле стола.

– Зачем пришёл? – в упор спросил отец.

Полицейский двинулся вперёд, оставив за спиной незапертую дверь, в которой показалась голова его лошади. Он прошёл мимо хозяев, замер возле того самого чугунка, в котором мама ещё утром наварила овсяной каши.

– Две недели назад на склад уездного города из Симбирска прибыло шестьдесят пудов зерна, – начал издалека Емельян, поглядывая на нас, босых и испуганных, но сытых детишек. А затем пояснил:

– Две дюжины холщовых мешков. Для отправки в Москву готовили. Вы что-нибудь слышали об этом?

– Куда клонишь, сказывай, – с искусственным спокойствием проговорил отец. – Али уличить в воровстве нас пытаешься? Скрывать нам нечего. Проверяй, коли пришёл!

Емельян насторожился. Облачённый в мундир, он не при-

вык к такому обращению. Тем более от крестьянина.

– Жизнь-то как повернулась, Емелька, – не вставая с места, сказал отец. – С тобой, помнится, вместе на речку босые бегали, а теперь ты на меня, как на врага смотришь. Ты вон в погонах, при форме, а я без лаптей перед тобой стою. Проверь же, не стесняйся. Да и к Максимовым зайди. У них дочка недавно померла. Сорока дней ещё нет. И в сарай зайди и погреба наши пустые проверить не забудь!

На последних словах маму вздрогнула. Она постаралась не выдавать себя, но на щеках появился предательский румянец. К счастью, Емельян ничего не заметил, так как его внимание было направлено на чугунок. Он ответил, не сводя с него глаз:

– Не время сейчас ругаться, Егор. О другом думать надо. А если по молодости ты на земле остаться решил, то моей вины тут нет.

– Нет, говоришь?! – вспылil отец. – Ты скажи мне лучше, отчего из Симбирска хлеб в Москву идёт, а в уездном городе и деревнях жрать нечего?

Лицо Емельяна вмиг побагровело от возмущения. Глаза налились кровью, а рука сама потянулась к длинной шашке, которая так и норовила выскочить из ножен.

– Что, заколешь меня? – сквозь зубы процедил отец. – Убьёшь прямо здесь, на глазах семьи?

Вспыльчивый Емельян мог запросто это сделать. К тому же, пользуясь привилегиями воинского звания, ему ниче-

го не стоило уйти от ответственности. Крепко сжав рукоять шашки, его пальцы дрожали от напряжения. Одно лишь движение – и голова с плеч! В тот момент мне стало настолько страшно за жизнь своего отца, что я не выдержал и закричал. Закричал что есть мочи, во всё горло, и это помогло. Вздрогнув от неожиданности, Емельян оставил шашку в покое.

– Богом прошу, Емелька, не губи! – взмолилась мать и упала на колени. – Неужто не видишь ты, что нет у нас ничего. Погреб пустой, а сарай того гляди обвалится. Мы с пелёнок друг друга знаем! Не губи, умоляю.

Брезглив скривив губы, Емельян отступил от матери.

– Крестьяне о пощаде молят, а сами за спиной зерно воруют, – проворчал он. – А кто же заботиться о вас будет, если не государь?

С этими словами он двинулся к двери.

– И запомни, Егор! – крикнул напоследок Емельян, взгромодившись на скакуна. – Если я узнаю, что в игры со мной играешь, то поверь, рука у меня не дрогнет!

Развернув коня, он помчался прочь вдоль гряды покосившихся домов. Вместе с ним ушла из избы опасность и какой-то внутренний страх. От сердца отлегло. Побледневшая мать вздохнула с облегчением, не в силах отвести глаз от того самого чугунка на полу, возле которого только что стоял полицейский.

В тот день нам повезло. Наверное, это слово не совсем подходящее. Нас спас Господь! Кто знает, что могло случить-

ся, если бы Емельян открыл чугунок? Что бы сделал после этого отец? Зная его, могу сказать, что в такой ситуации он бросился бы на Емельяна с кулаками. Слава Богу, Емельян не опрокинул чугунок, и на пол не пролилась овсяная каша. Отец ни за что не дал бы Емельяну покинуть дом, а коня пустили бы галопом в лес – и поминай как звали. Сгинул царский слуга, и дело с концом.

Позже я слышал от людей, что в уездном городе Ардатове пропали несколько мешков с зерном, предназначенных для отправки в Москву. Да не просто пропали, а так, что ни следов взлома, ни признаков проникновения обнаружено не было. Никто не рвал добротные кованые петли, никто не пытался сломать надёжный железный замок. И потом, склад по-прежнему охраняли два сторожа. Поначалу именно их и заподозрили в воровстве. Обоих забрали на допрос. История стала обретать огласку. Допрос продолжался до тех пор, пока не обнаружилась новая пропажа. Когда и на третий день не досчитались царского добра, поползли слухи о чертовщине и проделках Сатаны. Кто-то, наоборот, объяснял происходящее проявлением Божьей воли, дескать, надоело Ему наблюдать за бесчинством и издевательством над крестьянами. Вот и решил Он таким образом наказать власть имущих. Что бы ни говорили, факт оставался фактом: бесследно исчезли четырнадцать мешков, то есть, испарились, растворились в воздухе, как туман пополудни. Как бы ни старались полицейские найти следы воришек – ничего, ни малейшего намёка

на стороннее вмешательство. Одни загадки. Чтобы взвалить на спину мешок весом в пятьдесят килограммов и пройти по песку почти три десятка метров, да не оставить при этом ни единого следа, нужно быть легче воздуха. Не родился ещё на Земле человек, который смог бы добросить такой тяжёлый мешок до входной двери. И как при этом он не наследит, когда будет уходить?

Слухи уже подбирались к Москве. На поиски пропажи бросили все силы. В голодающие сёла отправились конные полицейские, чтобы любой ценой найти четырнадцать мешков с зерном. Одним из них и оказался Емельян Богачёв, который даже не подозревал, насколько был близок к разгадке самого таинственного и необъяснимого дела в своей жизни.

Топот копыт ушёл далеко за горизонт, за окном восстановилась мёртвая тишина, а мама всё стояла на коленях и смотрела на чугунок – ту самую нить, дёрнув за которую можно было бы распутать весь клубок. Отец поднял чугунок и засунул его глубже в печь. От греха подальше.

– Слава Богу, – прошептал он, вытерев со лба пот. – Слава Богу.

Мама тенью прошмыгнула к окну и уставилась на земляную насыпь возле сарая. Около крышки погреба валялся брошенный в спешке пустой горшок.

Заключение

– И что было дальше? – спросил вполголоса мальчонка. – Как же так случилось, деда, что мешки-то пропадали, а у вас в доме каждый день каша да лепёшки?

С задумчивым взглядом старик провёл рукой по бороде, а после скупно улыбнулся.

– Да я же почём знаю, внучек?

– ???

– Да не знаю я.

Тогда я не смог справиться с любопытством, которое пересилило страх перед сверхъестественным.

– Сверхъестественным?

– Да, есть такое слово. Необъяснимым, значит. Я однажды спросил отца напрямик, кто живёт в нашем погребе и откуда у нас зерно?

– А он что?

– Он ничего не ответил. Решил промолчать и не принимать во внимание вопрос, ответ на который всем нам мог стоить жизни. А я видел, как он по ночам вытаскивал из погреба холщовые мешки и уносил их в сарай. А на утро на нашем столе была полная чашка каши и кувшин с травяным чаем. Когда в бочке закончился салведь, отец перестал доставать мешки из погреба. Мама как-то проговорила, что

те, кто нас кормит, хотят кушать, а если *ИХ* не кормить, то *ОНИ* и работать не станут.

– Работать?

– Ага. Я долго размышлял над тем, кто же *ОНИ* такие, маленькие воришки. За рассол с листьями капусты *ОНИ* могли творить неведомые вещи. Например, воровать царское добро так, чтобы никто ничего не заподозрил. Ума не приложу, как *ОНИ* у нас завелись? Я думал об этом, Колька, дни напролёт, и чем больше я думал, тем больше возникало вопросов. В конце концов, мне надоело себя изводить, поэтому я принял странных гостей у нас в погребе за данность, а после и вовсе позабыл про них.

К счастью, следующий год был не таким плохим, как предыдущий. Земля дала урожай, жизнь вошла в свою колею. Мешки с зерном сами собой куда-то пропали. Не знаю, куда. Может быть, отец закопал их в лесу или раздал. Скорее всего, второе. Со временем наша семья выплатила государству хлебную ссуду, в доме вновь появились кое-какие продукты, а по воскресеньям, как и прежде, матушка готовила нам окрошку. И мы больше не боялись, что половину она отнесёт в погреб. Я думаю, *ОНИ* покинули его. Тяжёлые времена миновали, и *ОНИ* отправились к тем, кому было гораздо хуже, чем нам. Туда, кто *ИХ* позвал.

– *ОНИ* больше не приходили?

– Наверное, нет, внучек. На следующий год отец закопал погреб и выровнял земляную насыпь так, что и следа от него

не осталось. Летом родители соорудили другой на месте сарая, который пошёл на дрова.

– Деда, а зачем *ОНИ* просили кушать?

– То есть как?

– Зачем *ОНИ* просили салведь, когда сами себе могли раздобыть всё, что угодно.

Старик не ответил. Он замолчал от простого и очевидного вопроса ребёнка, поймав себя на том, что, дожив до седых волос, он ни разу не задавал его себе. Дедушку будто обдало кипятком. Он только сейчас осознал, что допустил огромную ошибку, когда решил открыться собственному внуку. Теперь случай из детства не казался ему странным стечением обстоятельств, которые по своему мог интерпретировать детский мозг. Теперь всё произошедшее вновь обрело краски, возвращая старика на полвека назад во времена голодных дней и странных гостей в погребе.

«Они там были. Они действительно там были и воровали зерно, а взамен просили только кислую окрошку. Боже Милостивый, прости нам поступки наши и прости нас за мысли наши!»

Дедушка словно проснулся после долгого сна и взглянул на собственную жизнь со стороны.

«Они там были. Кто *ОНИ*?»

– Признаюсь, я с ужасом вспоминаю то время, – немного подумав, ответил дедушка. – Даже сейчас я не знаю, чего я боялся сильнее – умереть от голода или узнать правду

о странных существах. Ни мать, ни отец никогда больше не упоминали о *НИХ*, а мне велено было молчать.

– А зачем тогда ты мне рассказал, деда?

– Я думаю, что сейчас эта история больше похожа на страшилку, чем на правду. Так почему не потешить внука? Ты же просил что-то необычное, так вот тебе оно и есть.

Старик с прищуром посмотрел на малыша и спросил:

– Надеюсь, ты не станешь лезть в погреб, а тем более таскать туда еду?

– Нет, – улыбнулся малыш, но в глазах появился интерес.

– Хорошо, – с облегчением вздохнул дедушка. – Ну, а теперь давай на боковую. Смотри, час какой поздний. Мать возмущаться будет, если узнает, что я тебе до полночи басни рассказываю.

– Нет, не узнает, – пообещал внучок. – Я не скажу ей, если ты тоже не скажешь.

– Обещаю, – заверил дедушка. – Рот на замок. Ну всё. Нам пора спать

Малыш обернулся в одеяло и свернулся калачиком. Мысли в его голове порождали чудные образы, которые сменяли друг друга, как кадры киноленты. В его детском воображении вдруг ожили те, о ком рассказывал дедушка. Вот *ОНИ* стучат маленькими кулачками по внутренней стороне крышки погреба, требуя вкусить самую желанную пищу не Земле. *ОНИ* сделают для своего хозяина всё, что он попросит, лишь бы тот не забывал вовремя их кормить.

«Сал-ведь! Сал-ведь!» – скандируют смешные голоса, похожие на кваканье лягушек.

ОНИ там, в земляной сырой яме с дощатым полом, покрытым панцирями улиток и слизняками. *ОНИ* придут к тому, кто их позовёт. Кто сделает это правильно, и кто особенно в *НИХ* нуждается, и кто не задумывается о том, какую плату впоследствии придётся заплатить. Это всё неважно! Когда жизнь подставляет к горлу нож, в ход идут любые средства. Даже сила мысли. Почему нет, если та способна породить неведомую силу, способную снять с шеи удавку и освободить от оков? Какой природы силы могли снизойти до материального мира и явиться на зов несчастной женщины, рискующей потерять своих детей? Имеет ли это значение для того, кто обращается к этой силе? Последствия – это настолько зыбкое и размытое понятие, что, оказавшись на краю пропасти, думаешь о них в последнюю очередь, поэтому-то и соглашаешься на всё, лишь бы спастись. А искусители, они не дремлют. Они терпеливо ждут своего часа для сделки. И тут важно не попасться им на крючок. В противном случае придётся заплатить двойную цену. Нет, не сразу. Искусители выберут удачный момент, чтобы у заёмщика появилось нечто ценное, то, что с лихвой покроет их запросы. Как на счёт чистой детской души?

Коля пытался закрыть глаза, чтобы поскорее уснуть, но получалось это у него едва ли. Он уже видел себя идущим рано поутру вдоль ивового плетня, за которым без труда можно

было разглядеть приземистый холм с деревянной крышкой. Пожалуй, он прихватит с собой чугунок с остатками щей и спустится с ним по жердяной лестнице. Он оставит его там, среди мешков с картошкой и ящиками со свёклой. Придётся что-нибудь придумать, чтобы объяснить, куда подевалась еда. Будет лучше, если мама ничего не узнает.

Малыш наконец засопел. Дедушка, погладив седую бороду, тяжело поднялся с места. Мысли о неоплаченном долге заняли его голову, напрочь отогнав сон.

Что, если *ОНИ* ждали подходящего момента, и вот он настал? Прямо здесь и сейчас, пока спит в кроватке маленький Коля, а дедушка сидит на стуле с виновато опущенной головой? Осознание неизбежного пришло к нему не сразу. Лишь спустя несколько минут старик вдруг почувствовал, как по телу пробежал холодок. Он не хотел верить в то, что *ОНИ* снова придут. На этот раз за платой.

С запоздалым сожалением дед подошёл к подвешенной керосинке и с опаской взглянул на спящего малыша.

«Что же я натворил, старый дурак?!»

Перед тем как погасить свет, он глубоко вздохнул.

«Будет лучше, если мама ничего не узнает».

На момент написания «Салведь» рассказчику, внуку Коле, было далеко за семьдесят.

При создании обложки использовано изоб-

ражение

<https://pixabay.com/ru/illustrations/>

%D1%84%D0%B0%D0%BD

%D1%82%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F-

%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE

%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA

%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BC

%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA

%D0%B0-2964231/